

МЕЖДУ "САТИРИКОНОМ"
И "ЛОДОЙТОМ"

Когда-то Андрей Селый отметил, что Слово замглось тысячами красок: от райских песен их во фресках Аиста до плаката. Это вывод 1966 года: "скоро художник станет живописцем вывесок" иллюстрируется в повести Борисова-Мурачина "Лодойт освятого Енгеля". эта психологическая комедия, пожалуй, действительно не похожа ни на что до сих пор написанное в СССР. Так, во всяком случае, утверждается в дополнении к каталогу Русские Книги.

В самом названии повести неловко мелькнул жанрский род, по всей вероятности призванный характеризовать двойственность героя. Этот "Лодойт" условно приговаривается к поседению и от пары увесистых затрещин трепещет даже тогда, когда временно прекрасен, прихорашивать безотрадную реальность. В рассматриваемой "взрослой повести" подлинные имена людские заменены анаграммой, криптонимами - комбинацией букв. Правда, прозрачный камуфляж авореинатурной маскировки довольно легко раскладывается. сквозь "икакье", "рыканье" и иные помехи кроссвордного порядка угадываются конкретные лица. И в результате чувственной перетасовки постигаем, что Она "ушла своим ходом", а Он, следовательно, омылся "дамы поддерки". В буквальном же эквиваленте - совершилась всего-навсего "притяжка к себе еще пары именных" Той, которая "не сумела удержаться после твердых согласных". А буквально? - Обострилось ощущение духовной бесподобности, еще неустойчивое стало в жизни. И тогда в душевной сквижине заклокотали захлебываясь от ненависти ко всему продажно-предательскому биль.

Центральная фабульная ситуация, пожалуй, гармано-достоверная: некто, вроде презренного пажеса Биннобера, "снимает" с Вольтоира все дразнилье оригиналь-неудачники преимущества и качества и переносит их на себя: я радится как бы во "второе Я" - компенсация минуса утраты. Как второй Голиадин - мечтаемый "предыд" для первого, или как Парюк и ротмистр Кринжановский, оторвавший у маленького человека визитку, рубашку, зонтик. Но разница существенна: если Мандельштам в "Луме вре-

мени" устами Барнока молят: "Господи, не сделай меня похожим на Барнока. Дай мне силы отличить себя от него!", то в какой горе-исповеди обиженного сердца не очень аккуратно разыгрываются и болевые того, от лица "прекрасной гротической музы" утверждается совсем обратное, некое всеобогрекование: "вряд ли он хуже нас всех... Смрад от него в ноздрях у Господа не хуже, чем от прочих смертных". Легкая самонадежия, показное покаяние трактуют, пытаясь привести однотипность добра. А коли все средства хороши, то служат здесь фейерверк именков "воскресими словами" с общественной помойки. До пота-смрада раздуваются эти "первоозданные слова-са", и конечно же под предлогом осаждения пульсирующего духа времени. И в Финале из головы персонажей льется обмыканный коммунальный душ, с многозначительностью Чистильщика. Так останавливается иллюзорный праздник веселое детство и начинаются зрные удовольствия со взаимным понижанием иногда, когда Она не артачится, а значит не меняет пока на какого-то "Их". На радостях можно воздать и "последний христианский долг": простить попробовать настойчиво все-таки великнящего, начально нестоворческого "блондинка" – его природный цвет. А как же еще? – Оказывается невозможным уломать породу Человека, который расшарен смыслями, а твердит свое: "земля вертится". Но оторвать русского человека от любящего сына "про белого бычка". На мгновение может показаться, что "дыш этот сделался связью между нами". Но это только моковое состояние от высоковольтного контакта с Человеком. Видит улыбка скептика, не упустившего при всем при том "возможности контроля" в этой мальчишеской связи "с обнажением, огромным и холодным". Это абстрактное человеческое "ничто" оказывается виноватым по разряду "неправностей в самом устройстве". А хотя и сокращается разрыв между правдивым и фальшивым "я" – возникают "стремления", "узы изменений у них, в их мгновенных характерах, в их построениях" – на цепь напряжения в экзистенции "альтер эго" остается разомкнутой; и вытекает вывод: "насытить не может человек человека". Личная катастрофа, таким образом, сопряжена с социальной яростью. Но мягко чувства против неудовлетворимого положения всей экзистенции неизменно идут, и всё проявляет поэтому жалко и жалко – без очистительного катарсиса трагедии судьбы. Если собственное в человека

принять за "слишком самонадеянное", не видя образа Бога в нем, а представив его сгустком порочной "блондинистости", то ничего не остается как играть в пошибы поддавки друг с другом, бледя "на чужих" видимость исключительности и демагатично об этом вспых при каждом удобном случае. Это единство славящихся мелких бесов. Это "златая могила" души. Но случайно автор благословляет мерзость мерскую: "Лучь счастлив, блондин, - или хотя бы весел, уж коли иначе тебе невозможно...". Тромена попытка "ополночествить" хроническую "блондинистость". В создавшейся трагикомической игре как бы в огни ворота, чем больше наговаривается на "альтер", тем больше изобличается "эго". Так и не удается осуществить далекую вылизку "из себя и от себя" - ведь даже цель целино сформулирована: "новинный простор первой точки... в белом пространстве" (речь идет об удержании себя возле культуры, о "присловении навсегда" к ней; но как, каким образом? - но ясно: "какую сторону начать? куда завести свою линию?"). Прав Бердяев, утверждавший, что нигилисты пребывают на окраинах души. Зато мы знаем с помощью Маремина координаты закутанности человека на пути от Бога. "Пустая карточка в рамках свободы и опасности" - это следствие возмущенной цели при преступном отношении к самому последнему из ближних. Коли понятие "душа" реалистично, усечено до "душевной воронки над головой", то все мы и ищем Отца, потеряв мужество. Тогда целимся за любимое розовое тепло, а лежимся одной из поддержек (о кавказской терморегуляции!), переминаясь соседа косточки - не на себя же холодную, хоть и кипучу, воду.

Лучь обращения "к своему позвоночнику" особенно труден в положении "допущенного". Поэтому нестрат самоутверждения типа "не буду притворяться исключительно скромным, я знаю себе цену как художника", пускаются в ход и сугубо мужские козыри, особенно во "взаимно склонных действиях... во время некой постойни" с милым товарищем неотклонности чувств. Кстати, козлоподобная симпатия вовсе не философствовала. А над мастером полового налета в повести местами посмеиваются даже "блондин". Ослаб герой от непрерывной рефлексии, от дум "как добить пропитание" - "не может наслаждать большие трех поласканных количин, грубо и зряко в течение дня", хотя не помехи "в сороде оскал пыгана", и он при случае "осмы-

ет в коридоре... даже повторную смесь хозяйки" - урывки радости навстречу "могильных холмиков грудей". Шотское не-всеместно тут выпирает и торжествует психологический эмпионионизм над тусклым и вялым мазохизмом.

Герой неполного преста представлен добровольно схищущим шутом; он хамелеонствует, меняет окраску, объем, вес, значительность - "сокращается" и "укрупняется" как безразмерная вещь - в зависимости от демурных функций ситуации. Сам смеется и над ним смеются. Но он в роли шута, огрызаясь ("надоели... каждый день повторяли...!"), как бы и "восстанавливает публичность человеческого образа" - чтобы скорее опустошить репертуар другого поудачника, своего Мefистофеля. И он в принципе прав, ведь другой-то голый позор, с жизненным рецентом "отказаться не должен, не имея средств продолжения кувать". По Бахтию, перед нами прозаически-иноказательная метафора, своего рода некое стерильчество - стиль деревянной куклы, управляемой и комментируемой автором. Позиция "олендрина" - разновидность специфического чудачества. Карнавально-шварцовая традиция окунается, например, в сцене наказания мордобоем. Всё вовлекается в зону вольного фамильярного контакта. Но если так, то в карнавальном мироощущении не может быть, как полагает Бахтия, ни границы нигилизма и ни границы пустого легкомыслия и полного соганного индивидуализма. Адвокаттель "примка на ляжке любви" радуется, что с уходом жены кончились муки содержать свою дочь. Он принял компенсацию наличными от "партийного члена", к кому переметнулась неверная Лолитка его. Причем, со смаком деляги и ритуальным поклонением рук: "я аккуратно превратил эту подлую сумасшедшую... в полноценные рыхие десятки...". Исповедь имморалиста.

Сравним с эпизодом в "Записках из подполья". "Я достиг своей цели" (взамен старшей жены - пачка ассигнаций), "поддержал достоинство" (назвал "подмыми" полноценные "рынки", а сам факт принятия денег - "смехотворным"), "не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге" (ты берешь у государства: почему же мне не взять у тебя?). Но разница в том, что герой достоевского, истия лице, символически оскорбляет свою карту 5-рублевкой, и то "не от сердца, а от дурной головы", а здесь кунигами принимается помечина. И еще, если Достоевский так пародировал сходный

эпизод романа Чернышевского "Что делать?", показывая аллюзийность поддержания своего достоинства локтевым методом, то здесь, получается, дубасят мозгового наслаждаться и открыто пользуются к тому же карманом битого. Но дух подпольного сознания в поисках разрушить свой образ в другом, загрязнить его до неузнавания, чтобы освободиться от власти чужого сознания и пробиться к себе самому для себя самого. Малечи бьют другого в себе, с оглядкой и лазейками, оставляя за собой возможность изменить окончательный смысл вымешанного слова, смягчить навыгодное впечатление, произведенное саморекламой: "я - большой человек? Бред ли... впрочем, и этот писатель, в конце концов, барахло... Вы меня не ловите". Лазейка, как тень, сопровождает слово. Исповедальное самоопределение с лазейкой, говорит Лактин, внутренне рассчитывает на ответную противоположную оценку себя другим. Гроде бы осуждающий и себя на деле только хочет провоцировать похвалу себе - чтобы другой оспаривал его величественное самоопределение. Лазейки делают зыбкими все самоопределения героев, слово в них не затверждает и в каждый шаг готово изменить тон и свой последний смысл. Единовременное самоосуждение и оправдание (я "бесуждаю" себя - другой оправдывает меня) создают резкие перебои, внезапные переходы, проговорочную двойственность. Это безысходный диалог с самим собой, как и с другим: он не может победить чужой голос в себе - слиться с самим собой, ибо, как у Голядкина, его голос должен нести также функцию замещения другого. Создается стиль бесконечной речи, которая может быть только механически обрвана, но не может быть органически закончена - "уши, втекают, вытекают водой". "Двойник" в образе "блондина" включен в симметричное взаимоотношение с антагонистом.

Примкнуть к бессмертным творениям оказывается не так уж трудно - позаимствовать: "все патворил за тебя, надо только из его личной книги". Конгломерат смеси. Если бы только естественной для россиянина: Линдера (как отвлеченных мыслей и мечты - суть европейского мироизмерения) и Ариана (чувственности, хаотического начала - Восток, по Альфому).

Сальери, далекий от импровизации, проверял гармонию алгеброй. Попробуем и мы "путем вычитания одного из другого

набести на крохи смысла". Мелочами покажутся суррогатные образы деформации нормативного словоупотребления, типа: "был блондин патротизма, никогда без отклонений", "если был рабочий домино, то легко зачарствел", "на одной сковородке с ним в разведку не войду", "пойск за утраченным отцом" и тп., - когда мы пробьемся через синтаксическую инверсию, тропы, гротеск, минута мести аляповатой мазни, - прорвемся к инициаторным источникам "объективной" повести. Тогда Сальватор Дали посторонится, ибо не из той "личной книги" взято тут за основу. Не о "Лолите" ли Набокова сказано у Марамзина: "правда, у меня есть другая, выбирая оттуда, только что закончил описать для всех грядущих..."?!

Чтобы не быть голословным, привожу около пятидесяти общих мест из сравниваемых произведений:

В. Набоков "Лолита"

1. "...Исповедь Светлокожему Вдовиц": ...двойное название, под которым автор... получим странный текст..."

Б. Марамзин "Людия обеего цвета"

1. Исповедуется "блондин"; "в название... двойственность" /9/. "...жажды ... попали ко мне почти случайно" /1/.
2. "Сам Гумберт Гумберт умер".
3. "История совершенно закончилась (смертью)" /5/.
3. "Попросил меня проредактировать манускрипт...; до подготовки... к печати".
3. "...я просил бы именно его, никого другого, привести ее (рукопись, в пакете. - Е.В.) в правилах современной журналистики" /8/.
4. "Странный текст..."
4. "...странную телеграмму, а при ней полный текст своих записок" /5/.
5. "(Указатели мест и людей, которых привычно требовало обойти молчанием, а человеческое - помянуть)... "Гейз" всего

жиль размножает о настоящей (активной) героини, ее первое имя...
тесно вылетается в... ткать книги, чтобы его можно было
занести...".

5. Ср. с маркашинским "шалашом" кроссвордом "оружиях гласных
минимов" и авторскую игровую мольбу: "вы меня не ловите"
/II + стр. I моей статьи - А.В./.
6. "Пожелал остаться невзванным, дабы длинная тень прискорб-
ной и грязной истории не дотянулась до того города..."
6. "Не называй его вовсе не из желания миновать в душе больное
место...; тем более в городе есть его тезка..., и может
возникнуть путаница" /5/.
7. "Россиянъ заборных словечек"; "...зaborных слов" /293/;
"судьба заборных изданий" /297/.
7. "Подзаборное творчество..." /4/.
8. "Нет сомнения в том, что он отвратителен, что он низок,
что он служит ярким примером нравственной прокажи, что
в нем соединены свирепость и игравость, которые могут
быть и свидетельствуют о глубочайшем страдании, но не
привлекают прымекательности некоторым его излияниям. Это
чулковатость, конечно, тихолонгата. Многие его случайные
отрывы... смешны... Исповедь, отныне не освобождает его
от ответственности за дьявольскую изощренность... Он во-
дительман. Но с каким воинством..., несмотря на восхи-
тавшись ими отвращение к автору!".
9. "Нет, ... блондин - явление уродское, но... вряд ли он
хуже нас всех" /11/; "Упорно считал седя тоже художником;
...воруя наши отходы" /4/; "Ламает из себя блондо солос
остре, ковали кивоньсь" /4/; "Снимают с природы понку...
Это и подвигает их считать себя творцами" /5/; "Уж не
фамилии, а знак отсутствия врожденной благодати"; "Ост-
рая жалость к автору схватила меня" /5/; "У него есть
новая система нютра... Быстро, и этот писатель... борах-
ло, и он закопан по колени в нови обще оксироменты...
При общем безумии содержимого..., нельзя не восхититься
красотой..." /6/; "А чего стоят иные алоризмы! ...

тут незаурядный ум, который так глубоко и так искренно запомнил ..., отрезав мгновенно ... Он абсолютно серьезен, даже трагичен, он старается предельно открыть себя — ... хотя нам порою смешно, ... открывается запустение и мерзость ... страха" /9/. И так далее — то же утверждение, что "блондин" отвратителен, смешон, но глубоко страдает и обладает талантами /"волшеством"/.

9. "Лолиту" Набоков посвящает жене. "Проливая слезы над моим вполне веселым безматеринством" /2/. "Снова и снова перелистывая эти халкие воспоминания и все допытываясь у самого себя, не оттуда ли ... пошла тревога через всю мое жизнь" /3/. "...Любви ... какая я не смылась пынью" /5/. "Валерия — моя фарсовая супруга" /10/. "Азрослая Лотта любила меня с властной зрелой страстью, которуюinne жалею и уважаю в большей степени, чем дозволено мне сказать" /9/. "О Лолита моя, все что могу теперь это играть словами..." /22/.

9. Марамзин по всем признакам, иногда парадоксальным даже, посвятил книгу тоже жене, как всесторонней поддержке и опоре в жизни; "любил воль... как мало кому повалю любить..." /5/, но "теперь, когда ее нет, не испытываю к ней ничего, кроме безграничной нежности" /6/. "Ребенка я более всего и любил" /7/. "Ее-то я конечно не забыл, вы меня не лоните..." /11/. С утратой ее — "вообще уже нечто невыносимое, нечто неустойчивое... — отчаянный крик ... странный..." /11/. "одакая Лолиточка" ... к тридцати-ти шести годам" /6/.

Марамзинское духовное "безотцовство" приравнено к "пронзительному ухасу" /286/ отчаянного "веселого безматеринства" "Т.Г." (ср. в творчестве Достоевского категорию "мать-земля" и "царь-батюшка-отец"). "Все мы ищем отца...", — говорит Борис Бахтин; Марамзин повторяет, даже в качестве энгрифа берет эту фразу, и заостряет внимание на "этих настойчивых, запретных поисках" /9/. Для персонажа Набокова "дом был еще безалбитен" — веха-символ безрадостной жизни.

10. "Пространственные появления я заменяю новыми временем" /8/. "Запечатлевшей его ... только мгновенное вспоминание" /30/.

"Выразить ... можно мгновенного впечатления чередой слов; их вещественное накопление на странице портит самое вспоминку" /35/.

10. "Энтифия могилы" - разве... надо было это уединять... Так глубоко и так кратко заменил ..., отразив к тому же мгновенно саму историю вопроса..."/3/.

11. "В моих гигиенических способах с женщинами я был практичен, иссмелив и быстр"/7/. "...Из 80 или 90 штук, которые в разное время по моей просьбе мною занимались, она была единственной, давшей мне укол истинного наслаждения..." /13 + № 3/.

11. "...он был мастер полового налета, не привык сообщать деликатность ... теперь - увы окончания! ослабел...: не может насладить больше трех полюбезных женщин грубо и зряко в течение дня" /26-27/.

12. "Я, будучи законоузданным трусом" /9/.

12. "Мы не нарушаем кодекс уголовной моральности, в основных его чертах, не считая устаревшие пункты привычки" /27/.

13.^X "В нашем чугунно-ржавчатом мире причин и следствий"/12/.

13. Дается пояснение: "...то есть в зрительном зале нашего замечательно железного мирового театра..." /7/.

14. "Когда от меня потребовалось покинуть плоды моего нововведения из кильцов в сокители испытал ли я лишь горечь и неожиданность? Нет..." /64/. "Мне привило в голову, что ровная жизнь, домашний стол, все условности брачного быта, профилактическая однобразность постельной деятельности и как знать - судьбий рост некоторых нравственных ценностей, ... чисто духовных эрзацев, могли бы помочь мне..." /15/. "Решил жениться... - какой компромисс...: мне всего лишь нужно сублимированное _____ и кивки ножны, однако то, что мне привилось в Валерии это была ее имперсонация маленькой девочки ... во крайней мере под тридцать..."/16/.

14. "Наконец получила долгожданную совместность супруги...: пусть теперь готовит для меня его рояльную супа ежедневности, от меня помощь нестаки в стульях, не больне. Если бы не была его многолетняя лада (издательски-извращенный повод, как и у Гумберта в змурных делах. - Е.В.), никогда не привлекли свой хазиство"/34/. "Я сам расстался сней и был чуть ли не рад обстоятельствам, пристроившим ее. ...Было время, я проливал нефигуральные слезы - что поделать, прикин!" /5/. "Эдакая Лолиточка" ... к тридцати-то месту годам..."/6/.

15. "...Моей поразительной ... мужской красоте". "Позволь себе повторить, тихо, но интуитивно: я сам, и она осталась ... исключительным красавцем, со спиральными динамиками, с мягкими томными волосами и так бы пасмурной, но тем более привлекательной осанкой большого тела. При такой мужественности ... Увы, я отлично знаю, что мне стоит только привлечь пальцами, чтобы получить любую взрослую особу, избранную мной; я даже привык оказывать женщинам не слишком много внимания, боясь именно того, что та или другая выплюнет как налитый соком плод во мне на холодное лено... Я легко бы паки между обезумевшими красавицами, длесковидными в мою угрюмую склонку..." /16 + № 11,14/.

(У Меримана - "Утром член его длесковид с голую книку..." /37/.)

15. "Лиззи мне не нужна"/32/. "Лиззи ... использует все: присаживает в момент, когда вы меньше всего ее ждете; пользуется вашим смущением; углом обхватывает лицо и утыкает старческий нос между подмышкой и шеей..., она старается гальванизировать в надеждочной области ваши страдания, которые когда-то так искусно вдохновляла; она готова бегать, скользя, за ваши трамваи..."/3/. "Она хотела заинтересовать меня..."/5/. "Мое сердце" бабника проходящей эротической музы"/5/. "...Забыть нас не удается"/5/. "Эти малкие, жалкие касания к постороннему искусству, в которых он привлекает!" /5/. "Он не искал простого хлеба сексуальных утех, хотя бы и несколько дешевых"/3-10/. "Грубость - вторичный признак полового мужчины..."/12/. "За девушки с детства не участвовал, мигают в разные стороны глазами призыва, вместо "нет" говорит "может быть", это дико, в

15. Жене короткой кривой колечка, подол длины еще не лучше: подозревает неопрятную грязь. Нет и только нет"/13/. И так далее.
16. "Не могу вспомнить его смехотворную фамилию..." /12/.
16. "...уж не фамилии, а знак отступничества врожденной благодати"/5/. "Ах, черт! хорошо бы тут снова фамилию, но ведь, право, не знаю, боясь ошибиться..."/11/.
17. "...Гумберт Грозный виновное обсуждал с Гумбертом Абритусом, чье именно убьет Гумберт Гумберт - ее, или ее возлюбленного, или обоих, или никого"/19/.
17. Деление "Г.Г." на "кроткого" и "грозного" - это и есть "блондин" и авторское "я" в одном лице. В маремзинской повести внесанно Умбрант оба персонажа.
18. "Кстати насчет разных отысканий в сторону..."/26/.
18. "...меня отвлекают привычные мысли"/5/.
19. "Меня сводит с ума двойственная природа моей памяти..." /34/. "Лолита вела двойную игру..."/224/.
19. "...наша общая жена искусства"; "...бедная обобченная супруга"/27/; "...нашей дамы имени..."/28/.
20. "Что тут волнует меня до слез... - что именно? Некая анонимность...? Отмычность перестановки в положении имени и фамилии, чем-то напоминающая пару длинных черных верчаток или маску? Но в этом же слово "маска" хорват разгадка?" /42/.
- "Я заключил, что могло бы улавливать кого-либо из живых. И сам я перебрал немало иссаждников, пока не придумал особенно подходящего мне... Почему-то мне кажется, что иное имбренное имя всего лучше выражает требуемую гнусность..."/236/.
20. "...бедная моя жена... - и там лишь несчастные орудия гласные миндалев, которым не за что ухватиться, которые

судорожно уцепляются, пристраиваясь, за что только можно, но не умеют удерзаться возле твердых согласных, а притянув к себе еще пару иканых, аканых, слейных - знаяironий случая! - образуют вообще уже нечто невыносимое, нечто неустойчивое на этой земле, переходящее в отчаянный крик... отравленный, во вполне осознанный..."/11/. Истинный смысл повествования мне представляется "замаскированным" (Е.В.).

21. "Вину... ее сияла искаженность: ...и ее отсталую искушительницу..."/42/.

21. "...новая, тычущаяся в поисках склонки этого языка - не правится "помех на языке любви"/16/; "...нее не удержит какой-нибудь прыжок на лягушке любви..." /16/.

"Склонка" очевидна!

22. "Тумберт Смалий мог бы предложить ей взятку без всякого риска. Человек же попроще - и попрактичнее - правило удовлетворился бы коммерческими аргументами, но для этого нужно знать, куда обратиться, а я не знаю..."/42/. Академическая изысканность светской и юнгвильянскую широту, предложил оплатить расходы... Он сказал, что я откажусь. С пылким благородственным восхищением я принял это предложение. Не веря своим узом, он раздельно повторил им сказавшее, и я снова его поблагодарил, еще горячее, чем прежде. ...И воочию увидел изображение судьбы... и ее бутафорское плечо... Проклят Марлене! Рукопожатие судьбы (увесисто воспроизведенное Иланом при прощании) вывело меня из оцепенения. И тут я зарыдал... и зарыдал!"/31/.

22. "...он предложил мне две тысячи отступного...: "увидеть потерянное творчество ... уход любовной женщины подстережки ... отчасти виноват по позем руку счастья...". Надо бы обшельтесь, да? Вырнуть перевод ему в морду? Удивляйтесь, разводите руками, но я аккуратно превратил эту полную сумаскую ... в полноценные рамки десятка, жалая лишь об одном: а почему только две?... Да, я принял эти, в сущности, не слишком большие рубли..."/7/. "Проклят, моя любовь, больше не сдвигается..."/6/. "Пишите - и вам дадут..."/18/. "...подпишем руку счастья..., отказаться не должен..."/19/.

От Марлены ушла жена; он, как человек "практический",

"Здраво удовлетворился коммерческими архивами" - "с благородственным", для выкупа ворчанием "всехипом", принял, не раздумывая "две недели" (условия сделки), предложение "Словдина"! И не трясся, подобно "Г.Г.", "от одной мысли, что можно извернуться на гранью ужасную историю...". А если бы и зарыдал извнешний, то потому, видимо, что "выкуп" все-таки маловат!

23. "Как когда-то сказал английский поэт. О начитанный Гумберт!"/59/. "Как выразился бы поэт. Но я не поэт..."/60/.
23. "Как выразился некий англо-сакс, певец плантаций, по сходному поводу..."/11/; "...говорит только в поэтическом смысле, а в смысл поэтический он приучен не ворить..."/39/.
24. "Впрочем, я постарался бы не обижатьть мыштаки..."/59/.
24. "...может ласкать, но не способно обижатьть (да что такое? переходу на лексику блондине)"/10/; "...пробовал ухаживать ... дама любви ... веселая разросшаяся дева черноты, была бы милей товарищ неотложности чувств..."/27/.
Если "блондин" - русский вариант Гумберта, то наш "бронет" - "смелый" его полезна. Смекность двойнической обобщенной взаимосвязи посвящения!
25. "Получу ее обратно..."/60/.
25. "...добился период жены..."/28/; "...хотел возвратить сму лому для временных родов..."/32/.
26. "И показал я мог подпереться мышью..."/61/; "...абсолютно ненадежная поддержка..."/285/.
26. Повесть Мрамзина изобилует всяческими "подпорками", "поддержками", оговорками, "лазейками" и т.п.: уход жены от писателя - "уже нечто... неустойчивое..."; деньги - "откуп" - "питательная" поддержка; "стриженая баба, поддергалась" - поддержка "большим попрощальным засосом...". И так далее.

27. "Нель, что никто не запечатлел во изображение любопытный узор, вензельобразную связь наших одновременных или перекрывающих друг друга движений..." /47/.
27. "...во время иной постиги" (опять лягата, но ведь хорошо же описано!) - то есть все время тех взаимно сложных действий..." /5/. Давнё в то чудо!
28. "Холмик пыла..."/35/.
28. "...пылед подымается сам по себе... большой указательный палец любви!"/31/.
29. "...На кону причина останавливается ... во предпохоронных формальностях, требовавших от меня внимание, и из самых похоронных из моих скромных, чем не так давно состоявшихся связей; во несколько эпизодов... следует все же отметить ..."/36/.
29. "Вчера хоронил ясную жену, об этом писало..."/16/. Ср. 22-ю главу "Просвет среди туч близорукия" /стр.33-34/, где даны "несколько эпизодов" комуственного ужинания во время похорон общей жены" двух замов".
30. "Не знаю, достаточно ли я подчеркну ... право-таки опровергивающее действие, которое интересная винность автора... производила на юноши любого возраста и сословия. Розумеется, такие заявления от первого лица могут показаться смешными; но время от времени я вынужден напоминать о моей наружности читателю... Судорожное обание моих чурт должно оставаться в поле зрения читателя, находящего по-постоянному вонять мою винность..."/31/.
30. Здесь повсюду разбросаны намеки с плетком золотки авториста-брата "блондина". Его "большой указательный палец любви" и бесконечная самореклама своих наружных данных - минимальные признаки сексуальной патологии, по-видимому, энглибционизма, если судить по формам проявления этой фигурируемой аномалии.

31. "О, дайте мне хоть разок посентиментальничать! Я так устал быть панником..."/96/.
31. Это могло бы быть взято эпиграфом к картине "Двое за штурвалом"/28-29/. Попадаются и в других местах "слезливые" признания.
32. "...Найдешь вместо дуна кистириную юмку, натягиваемую на ванный кран"/26/. "...занесенные в этих клюнках бывали чаще всего представления кафельными душами, снабженными бесконечным разнообразием прыщущих струй, с одной осщей ... склонностью: они норовили при употреблении вдруг обдать либо зверским капяtkом, либо оглушительным холодом в зависимости от того, какой кран, холодный или горячий, повернулся в эту минуту купальщик в соседнем доменции, тем самым лишивший тебя необходимого элемента смеси, тщательно составленной тобой..."/129/.
32. "...русская баня совместности, только грязная шайка (мочалка. - Е.В.)"/20/. "...Дун ... уверен в настройке воли на себя... Я заметил, что тот всегда монялся, даже если его и не трогать за свои, отдельные, личные края... В том любимом мною ровном тепле, сквозь которое могут прорваться по краю прохладные струи, и ... вдруг неожиданно хлынет огромное и холодное, обожжет, означая, что где-то всю горячую воду враз отобрали к себе, тогда как холодную возвратили взамен, поскольку не подумав о соседних поминках..."/37-39/.
33. Еще о фамильных тайнописях: "...Все эти фамилии за исключением одной, лишь приближения к настоящим"/171/; "мир... имен и ... прозваний"/231/; "морцание переменчивых..., из которых одни он переставлял, другие переделывал или пропускал; но самые комбинации этих ... как то перекликались (например, ВИ... и ВЦ.. или КУ... и ККК...), хотя были так хитро составлены, что не поддавались приведению к общему знаменателю... Он ... перешел на систему "складных" ... - оставили... прототип взаимно связанных номеров. Но если поискать... было таким сложным, запутанным и безнадежным делом, чего я мог ожидать от попыток напасть на след

неизвестных ...? /232 + № 5,6,16,20/. "...Ничего не значащее слово (ну, это положим)" /256/. "...Ты значит предала меня" /255/.

33. См. № 5,6,16,20. "Отчалиный крик - ОАИИ... ИИСА... ИОИА... ОИАИ... орудиях гласных инициалов" (стр. II,5). Кные и перезрелые "нимфеточки" "предали" своих мужчин ("она предала мне его, как когда-то пыталась предать ему меня" /3/).

34. "Эта книга - о Лолите; ...другой страдалец, тоже жертва внутреннего сгорания... В жизни, на полном лету, раскрылась с треском боковая дверь и ворвался рев черной вечности, заглушив захлестом ветра крик одинокой гибели"../234/.

34. "...Налетит шквальный ветер да еще с проливным дождем, распотрошит ниву, придаст к земле... Ну, что он разошелся именно здесь? Перекрутил, все перевертел, растоптал... Откровенная правда за номером 20116 - очень накопилось уже достаточно правды на этом свете, товарищ!" /28-29/.

35. "Мрачные мемуары" /239/.

35. "...получается больно, горько, даже зло" /1/ = одна из характеристик авторского двойника: " " и " " .

36. "Ночной оборотень" и "Гумберт Выворотень..." /59/.

37. "Не талант художника является вторичным половым признаком... а наоборот: пол лишь прислужник искусства"/239-240/.

37. "Грубость - вторичный признак полового мужчины... Навсегда застяла нежность к грубым сверстникам пола" /12/.

38. "...о том ребенке мужского пола... фотография которого была единственным украшением нашей суповой спальни"/69/.

38. "...просил фотографии лично его, начиная малыш, отведу полстены, навсегда любоваться" /30/.

39. "...бледный блондин... Он хранил на одеяле нашей двуспальной постели по другую сторону от моей целомудренной подруги... Он обиженно инсинуировал, что мы (каким образом?) присвоили его (ничего не стоящую!) личность..." Джек Гумберт-

сон" – как незнакомца безвкусно прозвали – все еще не вошел в сношение со своим прошлым" /240/.

39. "...творчество кисти забросил в засохшую краску... даже съедобное счастье навсегда отказалось: ...пропала не-научная моя жизнь! ...огромная планета проносится мимо меня..." /32-33/. См. стр. I, 5 – о "снимании" и "перенесении" на себя качеств и преимуществ не размежевывающегося со своим двойником – "блондином" авторского "я" /Е.В./. "Поседел ... настолько, что уже перестал быть объявленным в его назывании блондином /7/.

40. "...нервный брат..." /241/.

~~захотелось бы~~ 40. "...мой нервный брат, так называемый блондин..." /39/.

41. "Существует паразит, величина которого составляет одну шестую часть организма, вместившего его" /242-243/.

41. "...как блоха существует в повседневном паху" /19-20/.

42. "Маленькой прелестицы более счастливого собрата" /244/. "Я готов был примириться с обманом. С чем я отказывался примириться – это с вмешательством мучителя-случая, лишавшего меня пред назначенной мне улады" /244/.

42. Из-за нее-то весь сыр-бор! "Единственное, что привело меня тогда в недоумение и что в самом деле показалось очидным: эта странность замены!... этим существом в голубом костюме и в тусклых, немолодых волосах... Но это еще ничего, хуже другое: ...моя жена вышла замуж за партийного члена! Правда, ...редкая женщина выдержит... напрестанную двойную атаку ... но ...это единственное, что мог бы ей вполне простить, и сам ведь грешен" /6/. "Налетит шкальный ветер" и т.д. /28-29/.

43. "...я все замаскировал, моя любовь" /247/. О зашифрованном имени – стр. 251-252: от слов "Ну-ка, пожалуйста, его имя!" до ...имя, которое проницательный читатель давно уже угадал". + № 5, 6, 16, 21, 35.

43. Те же номера см. у Марамзина.
44. "Странно - никакого недоброго чувства я к нему не испытывал; ничего, кроме страдания и отвращения... Но постепенно меня стала разбирать жалость к бедному дику... /254/.
44. "...этого несчастного" /1/; "острая жалость к автору (записок. - Е.В.) охватила меня" /5/; "мой нервный "брат, так называемый блондин!... . . . прими мою последнюю воду, но чур! будь счастлив, блондин, - или хотя бы весел, уж коли иначе тебе невозможно..." Пусть не я выдал его..." /39/.
45. "...Предала тебя? Нет" ... Нет. Она меня не предавала. Все произошло по-дружески. ... Дело в том, что он видел насквозь (с улыбкой), всё и всех, потому что он не был как я или она, а был гений. Замечательный человек. И такой весельчак. Катится со смеху, когда она ему признавалась в моих с ней отношениях, какое же тут предательство, раз было вполне безопасно ему рассказать... "Где теперь находится негодяй?" Почему - негодяй? Замечательный человек во многих смыслах..." /255-256/. "...Я бы скорее вернулась к Ку... /"он разбил мое сердце, ты все-го лишь разбил мою жизнь" /259/.
45. "...Никогда раньше я не смог бы представить себя замещенным этим... Подумать только - ...за партийного члена! ...Какую-то роль сыграли несогласия "во время нежной постели" ...Нас легко оторвать и бросить, но забыть нас не удается..." /6/ ...Ни за что не уберешь не только нежных вторичных, дальние первичные могут достать из-под двоих трусов, и не скажешь" /14/ ..."Жена ушла своим ходом" /31/.
46. "...Я люблю ее больше всего что когда-либо видел или мог вообразить на этом свете, или мечтал увидеть на том. От нее оставалось лишь легчайшее фиалковое веяние, листопадное эхо той нимфетки, на которую я наваливался с такими криками в прошлом; эхо на краю красного оврага,

с далеким лесом под белесым небом, с бурими листьями, запрудившими ручей, с одним последним сверчком в сухом бурьянне... Но, слава богу, я боготворил не только эхо. ...Я люблю свою Лолиту, эту Лолиту, бледную и оскверненную, с чужим ребенком под сердцем, ...но все еще... мою, мою..." /257-258/; "...жизнь - пошлый фарс, я ничего другого не нахожу для смягчения своих страданий, как унылый и очень местный паллиатив словесного искусства... Полузадущенные воспоминания, которые ныне встают недоразвитыми монстрами и терзают меня" /263/. "Я любил тебя. Я был пятиногим чудовищем, но я любил тебя. Я был жесток, низок, всё что угодно, (но я любил тебя!) ...Такие минуты - назовем их айсбергами в раю - когда, насытившись ею... я, бывало, заключал ее в свои объятия с приглушенным стоном человеческой (национел!) нежности... И тут нежность моя переходила в стыд и ужас, и я... просил у нее благословения, и на самой вершине этой страдальческой бескорыстной нежности (в миг, когда моя луна как бы повисала над ее наготой и готова была раскаяться), внезапно, с мерзостной иронией, желание нарастило снова... "Ах, нет!", говорила Лолита, подняв, со вздохом, глаза к небу, и в следующую минуту и нежность и лазоревый луч - всё распадалась" /264-265/.

46. Приведенный отрывок прекрасно иллюстрирует психологию любовной пытки, что в повести Марамзина несомненно присутствует, но в скрытом, отголосочно-прорывающемся виде и нарочито искаженном при этом, к тому же. Нежность вынуждена рядиться в тогу бесчинствующей супровости, нарочитой "каменности", прикрывая стон "айсберга" сердца (под ним тоже - "общий" ребенок, но, как проговаривается "блондин" - породы "большого" человека-автора. - Е.В.) пошлой инспирировкой чувств и заглушая "паллиативом" словесной трескотни, поэтому порывы души, прибитые "мерзостной" иронией, кровоточат оглушающе ужасом потери "опоры" в мире, но до осознанного стыда дело не доходит: раскаяние, на миг, побеждается неукротимой физиологией нарастающего снова желания. Зов плоти по симптомам проявления сродни ощущениям нежности, но не

является таковой, поэтому не может быть слияния в одностороннем экстазном порыве чувственности, а составляющие "нежность" атрибуты ее проявления - "распадаются" на крохи смысла, "самоцельную игру в ложные подходы" = самообман на полном серьезе. Не это ли есть для Марамзина признак "распада российского сознания"?! Нежность, мне думается, здесь выдается за сексуальную дрожь обладания; она глумлива в своих позывах к сладострастному наслаждению и не осъщена свойственной нежности духовной сущью. Женщины чувствуют эту "подмену" и уходят "своим путем" - к "сердечному": "Я бы скорее вернулась к Ку... он разбил мое сердце, ты всего лишь... - мою жизнь" /Набоков, 259/.

47. "...Трагедию ее случайной смерти (лолитиной матери. - Е.В.) не следовало бы оспаривать такого рода эпитетом, к которому ты находишь нужным прибегать. Ежели ты действительно хочешь победить в себе самой идею смерти" /266/.
47. И Марамзин послушно соглашается с "Г.Г.", называя в своей книге главу об этом - "Просвет среди туч безобразия" /см.стр.33-34/. Но завуалированное глумление, как признак амбивалентного состояния единовременной любви и ненависти, заигравшись совсем, уже несет поток мутного сквернословия, правда потоньше, но так же безжалостно = неуправляемая сдерживающим этическим началом в личности стихия распадающихся в авторском сознании "ветхих" "смешных" ценностей = сумерки кризисного сознания в атмосфере полного безверия и смехотворческой истерии изнанки - откровение без тормозов".
48. "Пора, пора было уничтожить его, но я хотел, чтобы он предварительно понял, почему подвергается уничтожению. Я заразился его состоянием. Оружие в моей руке казалось вялым и неуклюжим" /276/. В этом месте "обязательную" сцену в ковбойских фильмах... Нашей патасовке, впрочем, недоставало кулачных ударов, могущих сокрушить быка, и летающей мебели. Он и я были двумя крупными

куклами, набитыми грязной ватой и тряпками. Всё сводилось к безмолвной, бесформенной возне двух литераторов, из которых один разваливался от наркотиков, а другой страдал неврозом сердца и к тому же был пьян... Мы оба пыхтели как королю коров и барону ба-ранов никогда не случается пыхтеть после схватки" /277/. "Этот фарс с пальбой из пистолета становится страшно скучным. Мы с вами светские люди во всем (одного поля ягоды. — м.р. Е.В.) — в эротических вкусах, белых сти-хах (=холстописания. — Е.В.), меткой стрельбе" /279/. И тут же на общепонятном им языке "пострадавшему", далеко не идеальному отчиму предлагается вознаграждение за причиненный ущерб "в хозяйстве плотском". Цена навивается невольно растянутым приговором — в стихотворной форме /1/ и сменой поз в перерыве между "традиционной" осечкой и новым выстрелом: "...Могу вам предложить, тоже бесплатно, в качестве домашнего зверька, довольно волнившего маленького монстра, девицу с тремя грудками, одна из которых — прелесть, и вообще — это редкое и очаровательное чудо природы"; "...а кроме того, я могу вам устроить присутствие при казнях" и т.д./280/.

Но Гумберт все-таки осуществляет месть, хотя и не наповал сразу (при бесконечной пальбе-то!), отвергая игрушку "деву-зверька", с пикантным изъяном. Это довольно волевое усилие — не воспользоваться трехгрудным "чудом природы"; так же и у Марамзина: подсунутая "блондином" — компенсация — "дева основной заграницы", или "стриженая баба, шофер самосвала..." /16/, или другие "юбки" до края республик" /18/ — все они вместе и по отдельности не могут быть "с громким голосом замены" /18/, не составляют адекватной полноценности, равной ушедшей своим ходом".

48. "Предварительнобитый блондин" так и "не понял" мотива избиения: "наказан за большого него — причинив ему что-что!" Обстоятельное аргументы на этот счет у набоковского Куильти, вовсю щупящего в монстру медленного его убийства Гумбертом — мучеником ревности: "... Чушь ка-кая! Эта увеселительная поездка была, признаюсь, глу-

пой шуткой, но ведь вы получили девчонку обратно? До-
вольно - пойдемте, хлопнем по рюмочке" /276/. Здесь
проходит линия размежевания
по-своему любящего с возвращающим "девчонку" "для временных родов", как "блондин" в авторском "я" изволил
заметить. Но оружие мести в обоих случаях, в силу разной функциональной заданности и одной психологической мотивации, - оказывается "вялым и неуклюжим", хотя расправа кажется легко осуществимой: "оттяну крайнюю
плоть пистолета и упарь оргазмом спускового крючка" /Набоков, 254/. Ведь и "блондин", и творящий самосуд
рассерженный "брюнет" - одно целое, отличаются друг от друга по "оригинальности" представления их общих
изъянов". Поэтому нет поединка, а
только инсценированная возня пересмешиков. /См. гл.
"Безобразности", с.31-32, и т.д./. Но в обоих видах
наказания - пулей (у Набокова) или собирательной "накопившейся" пощечиной (у Марамзина) явно преувеличен ре-
зультат ожидаемой кары - на фоне "детских шалостей"
братьев одной судьбы ("блондин" отчасти "равен" Гумберту): оба автора позволяют своим героям по разным при-
чинам "не попасть в цель": "Я попытался, - говорит
Г.Г., - попасть ему в висок. Он отступил... с пурпур-
ным месивом вместо уха" /282, Набоков/.

Инсценировка редуцированного "убийства" - это всего лишь "конец хитроумного спектакля, поставленного самими
жертвами нападения ("поставленного для меня, - говорит Г.Г.,
- Клером Куильти"). Причем у оглашающих "завещанную" испо-
ведь героев конец ее прерывается их смертью, о которой узнают
они - публикаторы их записок - до слухам и очевидным до-
гадкам, тем самым благословляя их на "выплывающее" бессмер-
тие "спасения в искусстве": "Куильти, которого я совершенно
не ждал, (был уверен, что он уже убит, - Е.В.) выполнз каким-то образом... и... тяжело возился, хлопая плавниками; но
вскоре, упав фиолетовой кучей, застыл - теперь уже навсегда" /283/. Но сюжет, говорит при этом Марамзин, "еще не исчер-
пан, он еще процветал" /5/. Смерть героев, о которой узнают
"добросовестные описатели" их действий "только впоследствии",
а не на месте "кровопролитного" поединка, - одинаково раду-

ет и "Г.Г.", и "большого человека" избавлением в связи с
этим от: "забот"-у Марамзина, стр.5; или, у Набокова, - "я
только одному обрадовался - не придется, значит, мысленно
следить много месяцев за мучительным и отталкивающим процес-
сом его выздоровления, прерываемого всякими неудобосказуемы-
ми ухудшениями и операциями, и увенчанного, может быть,
моим визитом к нему..." /284/.

Смерть кукол, набитых грязной ватой и тряпками" - повод
для завещанного обнародования их исповеднического жизнеопи-
сания, формальная ликвидация присвоенного ими владения "чужим
имуществом" в жизненно-пошлом фарсе. Предполагаемый визит
к "умирающему" ("когда же чорт возьмет тебя" - "так думал
молодой повеса, летя в пыли на почтовых", к своему умирающе-
му дяде "самых честных правил" - Евгений Онегин, например)
скучен, нейтересен, как и само постфактумное послесловие от
авторского "я": "все что за этим следует - довольно плоско
и бледно", говорит "Г.Г.". Визит мыслим только как цель
"перевести" гибнущего "воочию в реальность телесности из
положения призрака" /Набоков, 284/. Реальность "таящей" те-
лесности вызывает "под ложечкой... щекотку "распространен-
ного осязания" /284/, равно как и всякая "возможность нового
переживания" - при продолжающемся нарушении "человеческих за-
конов" (мысль отъезжающего от места преступления "Г.Г.") и
"кодекса дорожного движения" (если уж первое не вызывает
сомнения в созлании "Г.Г.", как нечто само собой понятное,
то уж второе - и не требует пояснений каких-либо).

По известным причинам художественной достоверности со-
вершаются "убийства" тут гремучими средствами возмездия; тор-
жественным, долго вынашиваемым приговором и исполнением его
в стиле эксцентрических выходок. "Нечто вроде заботливого
гёгельянского синтеза, - говорит "Г.Г." /284/, - соединяет
тут двух покойников" (Куильти и "блондина", - м.р. Е.В.).
Удар, сверкнувший молнией, не сопровождается громовым резонан-
сом. Герои непременно в драматизированной клоунаде должны "по-
гибнуть", изойти "пузырчатой кровью", или пожирающий истин-
ное искусство "желудок" - "навсегда" почему-то при этом дол-
жен отказаться. В клоунской ужимке преувеличивается боль, сгу-
щаются, как бы для зрительного эффекта, краски. Вместо писто-
лета если бы оказалась домашняя туфля /!/ - результат не мог
бы отличаться от сочиненного конца. Поэтому каждое пополнове-

ние, кривляние живой мышени и т.д. - гиперболизируется до символической ощущимости, "абсолютной" значимости "заслуженной" развязки при нарочито стущенных обстоятельствах, повлекших за собой "неминуемую" кару -- казнь, сотворенную насилием прерванных наслаждений, что для философии гедониста составляет всё! При этом в символизируемом обобщении бытийского детали, реально ощущимые, будучи абстрагированы и выпяченными в нужных контекстных местах, произрастают в сюрреалистической проекции до устрашающей мифологемы, надвигающейся как фон неотвратимой судьбы на "бывающего в страхе" поверженного героя, хотя всего лишь "нравоучительная" затрещина или "Фарс с пальбой из пистолета": "...Он отступил... с пурпурным месивом вместо уха" /282/; "выполз... хлюпая плавниками; ...фиолетовой кучей, застыл..." /283/; "...Чувство осязания, которое бесконечно менее ценится человеком, чём зрения, не только теряется реже всего, но становится в критические минуты нашим главным, если не единственным, критерием действительности... "распространенное осязание"... /284/.

Марамзин в своем послесловии развертывает набоковскую мысль об "осознательной" доминанте как критерии ощущения: "Конечно, может показаться любому, будто отдельных таких не бывает людей, в которых выпирало бы одно отдельное свойство, как не может быть человек с выпирающим ухом, ухо м, закрывшим всю голову, разростясь, как лопух ухом, лежащим на плече и свисающим вдоль по руке до локтя. Точно так же не может быть такой человек, у которого глаз занимает лицо, ходит по среди физиономии, выпуклый, слева направо, быстро вращается, вбирайя в себя окружение - во всех цветах и оттенках, во всех незначительных сдвигах... Да, ...таких людей не бывает, у которых орган восприятия непомерно разросся... Но при этом бывают люди с усиленно пристальным слухом, люди с пронзительным взглядом бывают... Но есть у меня орган... хотя он зачастую у всех очень слаб" /36/.

В "Блондине" "орган восприятия" воплощен выпирающий. Это некое всеобъемлющее магическое прямо таки "членство" издевается над "пальцем любви" неудачника партийночлененного. И еще. Набоков описывает месть - "за то, что ты обманом отнял / Возможность искупленья у меня" /278/. У Марамзина мотивировка почти та же, только действие развертывается среди коммуналь-

ных неполадок и претензия – пародировать пародию, борясь с казенным исхуиством. Хлесткая приблуденная музыка ходячих анекдотов местами удачна.

Думается, Марамзин извлек для 39 своих страниц некоторые элементы и из "Сатир" Петрония. Антагонист "блондина" предстает, как и в "Сатириконе", неким "богом мужской силы Приапом". В обоих произведениях отсутствуют положительные персонажи. Или, хотя бы такие места:

- 1/ "...Но разве не тем же безумием одержимы декламаторы во-лящие: "Эти дары я получил, сражаясь..., ради вас я по-терял этот глаз..." (ср. сцену избиения волящего демагога).
- 2/ "От этих велерачиво-пустых сентенций... Выходят дети из школ дураки дураками... а только узнают... что про дев, приносимых в жертву по три сразу" (запомним иронию о "безостановочном празднике веселое детство" и конечно же "не может насладить больше трех полновесных женщин...")
- 3/ "...Разве можно на такой пище добиться тонкого вкуса? Да не больше чем благоухать, живя в кухне. О риторы, не во гнев вам будет сказано, вы-то и погубили красноречие!" (ср.: "...смрад... не гуще...") "Из-за вашего звонкого пустословия сделалось оно общим посмешищем, по вашей вине бессильным и дряхлым стало тело речи... Да что говорить о поэтах!.. Это надутое, пустое многоречие ...наслало заразу, овладевшую ушами молодежи..., и вот, когда подточены были законы красноречия, оно замерло в застое и онемело" (в "Блондине" осмеивается и этот факт, ср.: "блондин" и кисть лучшего волоса в засохшей краске; др. сцены); "...да-же стихи...: все они точно вскормлены одной и той же пищей; ни одно не доживает до седых волос" (ср. с "поседевшим блондином"); "живописи суждена та же участь..."; "...менее всего виноваты в этом деле учителя, которым поневоле при-холится... (ср. "принуждены вырабатывать иронию по направлению к нам..."). И так далее.
- 4/ "...Замолчишь ли ты, гладиатор поганый, отброс арены!" (ср.: "пес-рыцарь").
- 5/ "...А что мне оставалось делать...? Я умирал с голоду..." (главный аргумент "блондинистой" логики). "...Ты поступил гнуснее меня, когда расхваливал поэта, чтобы пообедать в гостях... Так наша безобразная скора разрешилась смехом..."

- 6/ "...Купить...сокровище за небольшую плату..."; "...присвоить попавший... в руки..." (рецепт творения Марамзина).
- 7/ "...Квартилла... Она сама пришла... и просит разрешения побеседовать... Сев на моей постели, принялась... нарочно, чтоб всем показать ее горе. Когда же этот на зависть сделанный ливень наконец перестал свирепствовать, она обратилась... и так скжав руки... Хитростью..., прошу и умоляю... После этой мольбы она снова залилась слезами и, горько рыдая, прижалась лицом и грудью к моей постели. Я, движимый одновременно жалостью и страхом, попросил ее... не сомневался... что таинств мы не разгласим... После... сразу повеселела, не стерев слез, засмеялась и стала целовать меня... а рукою... зачесывать мне волосы, спадавшие на уши... Она... привлекла меня к себе, обняв за шею..." (ср. описание визита бывшей жены к надувшемуся экс-супругу с целью всучить Марамзину рукопись; ср.: "путь я не выдал его..."; даже длинные волосы "б.-на").
- 8/ "...Словом, мы отправились в баню и... поскорее перешли в холодное отделение" (ср. со сценой помывки).
- 9/ "...Но старая любовь цепка, как рак..." (ср.: "...я проливал нефигуральные слезы - ...любил ведь... как мало кому повезло любить в жизни...").
- 10/ "...Даже суке и то не давал проходу" ("блондин" об учителе-мучителе своем).
- 11/ "...Рука руку моет"; "...ты - мне, я - тебе" (ср. с подобной взаимосвязанностью героев повести).
- 12/ "...Кто не может по ослу, тот бьет по седлу" ("брюнет" может!); "...шарил руками по своему безрадостно осиротевшему ложу" (когда ушла от автора жена).
- 13/ "...Учитель... учит и тому, чего сам не знает" (ср. с репликой "блондина").
- 14/ "...Я возьму свою долю... Я, полагая, что давнишняя привычка достигла прочности кровных уз, ничего не боялся... Он же... избрал... Как громом пораженный таким оборотом дела, я... рухнул... и... если бы не боялся еще увеличить торжество врага..." (реакция автора на уход жены от него "своим ходом").

- 15/ "...Он обладал оружием такой величины, что сам человек казался привешанным к этому амулету..." (намеки о мужских достоинствах "брюнета" всюду).
- 16/ "...но где земля сияет, укрошенная плугом" (ср. со сценой "вдое за штурвалом").
- 17/ "...Я восторгался также Апеллесом, которого греки зовут однокрасочным". "...Точно посредством одной только окраски можно изменить до неузнаваемости внешность, и нет никакой необходимости согласовать очень многое для того, чтобы обман хоть немного походил на правду..." (ср. с проблемой "обесцветия" героя). "...Искусственная краска пачкает тело, но не меняет его" (то же с "блондином"). "...Кто меняет свой облик, тот готовится обмануть, а не дать удовлетворения..." (не потому ли так злобен автор к сопернику?!). "Парик был белокурый...". "Эвмоии... аллегию о волосах...".
- 18/ "...Дело наше не обошлось без громких криков... Переполох, возникший из-за сладострастия каких-то прохвостов... Самая отчаянная свалка: они дрались ради мести... Он еще смелее разыгрывал трагедию... увозит обманом супругу... Сила отвергнутой страсти мятется! (ср. с картинками "Блондина...").
- 19/ "...Как легко женщины... скоро забывают даже... Я... все-таки не знал, на кого я больше сержусь: на... - за то, что он отбивает у меня подружку, или на подружку - за то, что она... А в общем, и то и другое было мне чрезвычайно противно и даже более тягостно, чем недавний план... Глубокими вздохами я старался подавить в себе рыдания, которые как бы выворачивали мою душу..." (ср. с подследной мотивацией поведения автора).
- 20/ "Я даю связать себя последними узами" (ср.: "прими мой последний душ").
- 21/ "...Вот они, человеческие расчеты! Вот они, наши честолюбивые помыслы! ...Притвориться, точно он страдает желудком, а поэтому при людях отказываться от всякой еды" (ср. с аппетитом "блондина" после резекции его желудка).
- 22/ "...Будь здоров, если можешь" (из письма Киркей Полиэну;

- ср.: "...будь счастлив... уж коли иначе тебе невозмъжно...").
- 23/ "...Не по душе вам пришлась книга моей простоты?.. Нравы народа поет мой беспорочный язык..." (целиком относится к "Блондину обеего цвета").
- 24/ "...Я отомстил за себя смертью гуся" ("смертью" обеих героев повести).
- 25/ "...С деньгой да со взяткой все ты получишь... Обеими руками ощпал дар благодати... Как корм служит приманкой ..., так же точно людей не словишь на одну только надежду, пока они не клюнут на что-нибудь посущественнее... Закрой только глаза и постараися представить себе, что ты ешь не человеческие внутренности, а миллион сестрецов... Кроме того... придумаэм еще и приправу какую-нибудь ...Они не гнались ни за чем, кроме насыщения... За этот единственный час отвращения вознаградить... многими прекрасными вещами..." (ср. с тем, как отверженный женой бывший ее муж взял у "блондина" "непахнущие" деньги).
- 26/ "...Оскорблений меня не удручают. Я не помню, что был избит... считаю за шутку. Лишь бы только снова войти в милость..." (психология "блондина"?!) и т.д.

При всем при том, однако, разорванную ткань исповеди "блондина" и "брюнета" не следует считать пересадкой мест указанных произведений. Осмаянная личность размыта в плоскость, на которой круговорот созерцаний и действий классически известных и актуальных. Критерий Набокова - мистерия чувств, и герой его в миг эротического переживания фанатичный фантаст чувственности и безразличный скептик в минуты прозябания, когда он вне сферы ощущения эрогенной зоны или лишен возможности компенсировать ее иными средствами: подсматриванием, воспоминаниями, касаниями... У Марамзина трогательная лиричность отвергнутых переживаний старается убить все, чем живо чувство; нарочитое снижение, усердное загрязнение продажных святынь, заглушение боли аккордами дутого безбожного прагматизма. Нежелательное присутствие грозной судьбы они оба "уничтожают". Они смеют планы действительности и оставляют только ту реальность, которая в гармонии с чувством или которую можно легко препарировать для восстановления бессменного однолюбия. Манипуляции с одной "заигранной пластинкой" дробят

фабулу на моменты и убирается внешняя связь картинок с "подстилающим" переживанием. Философское обоснование подобного явления можно найти у Гуссерля, практические приемы - в романах Шибышевского, Генриха Ибсена и др.

В свое время Ницше, констатируя кризис сознания, выра- жающийся в распаде личности на бессознательное (ритм жизни) и пустое (форма, образ) - по терминологии А.Белого - при- зывал к новому, "синтезированному" герою, в котором бы не было присутствия признаков "безличной сущности рода", а тем более - "мертвого лица культурного человека". В нари- цательном антигерое Марамзина черты безобразия социума концентрируются до категории вида из признаков сути рода. Но ведь не только в социальном беда герою... Беспощадность бросившей женщины отражается в тщеславии мужчины, становит- ся художественным мотивом, как у Золя, или философской концепцией "радикального зла", как у Канта... Безобразия - проекция ненависти к "остаточным явлениям" любви, в кото- рой, по физиологическому "несчастью", мужчина, пожалуй, лю- бит самого себя. Природа пола такова. Эротика же отрицает душу женщины по сути, пользуется ею обычно как средством облегчить и сократить внутреннюю борьбу сил, и требует от женщины только быть ступенью для искупления мужчины. Не об этом ли набоковская фраза о мести за то, что с потерей Её - "отнята возможность искупления"?! Со стороны психофизио- логической понятно стремление к искуплению. Материально оно граничит с абсолютным негероизмом, даже с трусливой слабостью перед страхом истины, которая не нужна любящему, ибо разрушает все расчеты любви, и которая для него часто просто невыносима, потому что она уничтожила бы возможность удобного искупления; кодекс облегченного благочестия некий... Коли искусство по своей сущности идеально, то сладострастие - дитя идеала, идеализированное художественное наслаждение перспективой удовольствия. И в этом смысле для эстетики порнографии не существует. Поэтому смысл "Долиты" не анти- этичен, даже в христианском смысле. Мысль о покаянии венча- ет творение Набокова: "...Я предполагал... спасти, не голо- ву мою, конечно, а душу" /286/; по-раскольниковски, "усме- щечка из Достоевского брезжит как далекая и ужасная заря". И в условиях "улучшившейся видимости" яснеет горизонт набо- ковского наблюдения за ощущениями его героя. "Повесть о полудетской ведьме и ее убийце" - "Долита" могла родиться

из жизненного факта автора, якобы растлевшего малолетку (вспомним сцену из Ставрогина, которую Катков не захотел печатать, а сам Достоевский восторженно читал ее многим). Во всем остальном, кажется, Достоевский для Набокова очень второстепенен. Но эта самая грань судьбы важна для понимания целого. "Русского человека веселит всякая скандальная суматоха", считал Достоевский и шел обычно "до последнего предела, "всю жизнь черту переходил", со злорадством приговарившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, представляя собой в психологическом плане "сброд всех самолюбий"...

Итак, "ближе к телу". Поверх барьеров из различного рода цитаций, реминисценций, аллюзий... вернемся к завязке марамзинского действия. Милая 36-летняя обманщица, "эдакая Лолиточка" выклянчила "задним чувством" ворчливое согласие рогатого экс-супруга прочесть исповедь новоспеченного ее мужа. Традиционное "яблоко раздора" бытийствует как бы между подмышкой одного и шеей другого: в первого - "уткнувшись стареющим носом", а второму сожителю - подарив ребенка "породы первого", пользуясь, как уточняет автор, случаем, смущением, углом обхватив шею, гальванизируя в надеждудочной области и искусно вдохновляя при этом...

Женщина выполнила свою функциональную роль: пришла в жизнь обоих, оставила на поругание рукопись предыдущего мужа и подбросила воюющим мужчинам ребенка - духовный катализатор, не участвующий в эрекции-реакции сторон, но в то же время являющийся как бы "лакмусовой бумагой"-критерием истины: кто из отцов-пересмешников есть подлинный, а кто мнимый; иначе сказать - кто из них истину глаголит и творит, а кто самозванец на пиру чужих ценностей. Наша Маргарита-актриса ушла своим ходом от мастера полового налета, не расслушав брошенной вдогонку цитаты о долге из мыслей св.Франциска Сальского. По воле судьбы или авторской затее она попадает из костра голой чувственности в затхлое мещанско-болотце; буквально валится с ноги от усталости, уже без плача отчаявшейся, а в какой-то катастрофической алатии оцепенения. И, кажется, тем охотнее жертву атакуют джентльмены перепадающей удачи, играя слабостью женской то "как афишей глухих мереулков, то пристраиваются они для "группового портрета с мамой"; а добившись "местной лаской" индивиду-

ального расположения ее побольше к одному из них, не знают как быть дальше ("а куда я тебя понесу?") и утешаются тем, что "регистратуры сама не захочет"...

Признаки проявления влечения к ней со стороны соперников напоминают симптомы больной любви, некоего психопатологического донжуантизма, который выражается в преследовании жертвы своего мгновенного капризного вожделения и бегстве при обнаруженных знаках ее ответной заинтересованности. Только на расстоянии для этой сексуальной аномалии лада по-настоящему привлекательна и тогда может стать "подзаборным" предметом "творчества улицы" даже! Перспектива запечатлеться в корпусе лошади ("даже лошадь - давал ее черты в виде символа, ухитрился вставить в постановку ее могильные холмики грудей, едва прикрыты чашечкой железа...") экстравагантна и намного лучше похорон заживо, например. Страсти-мордасти, но однако же... К ней, значит, со стороны не "палыца любви" амбивалентное чувство: одновременно любовь и ненависть, а к "блондину" - презрение и зависть. Другой же просто представлен щутом существующим, ну, скажем, из галлерей Достоевского; поэтому там взятки гладки. Женщина присутствует в двух измерениях бытийства одной судьбы, по-разному интерпретированной двумя лицами. Куда ей подняться со смежными мужьями до экзистенциальных духовных высот их претензии?! Посему - "сострадательные" насмешки в адрес остановившейся в росте на фазе "Лолиточки". В этом единстве она - двойное отражение мачущих через нее целенаправленные колья супротивных мужчин. Испив каждый по возможности, а удачливее из них - временно по потребности, ту или иную часть загнанной живой модели, затерзав ее прихотливыми претензиями физически до могилы, такие переходят к "свеженьkim" стимуляторам - "товарищам неотклоненных чувств", новым жертвам происков амбиции и плоти. Но при душевной черствости и духовной несостоятельности, живущие во славу живота останутся или "обладателями отказа" настоящего счастья, или же только "духом между органов" сексуальной живности. Не любовь тут, а "пробы ухаживания", да не их самих вдохновок, а только их "устарелых пунктов привычки", и то - с оглядкой на "кодекс уголовной моральности". Отчего и диапазон подобных "творческих" обретений разбойно велик: от "местной" - дочки "остановившегося брака", "веселой разрос-

шейся девы черноты" - до клиенток "основной заграницы", не минута, понятно, и "среднеазиатские юбки", и случайные кухонные шашни в гостях и дома. Но обилие поверхностных поддержек ненадежно, шатко и временно, а главное - не может подменить исчезнувшую единственную отраду в непроглядной "бездотцовщине". Но характерно и другое: они кажется вообще в женщине видят только сосуд с "горячим веществом обожания" и плацдарм для самоутверждения ; так один из "двоих за штурвалом" ухитряется отхватить аборт у своей законной супруги - чтобы показать язык бывшему владельцу этой дамы и заодно поохотиться за несовершенной его дочерью, дразня отца, что дескать их взаим зашел далеко - вроде бы до "страстного момента окончания"; другой "комбайнер сексуального поля" - тоже не дремлет, он без всяких там "маленьких хитростей" с "кадром" ведет себя твердо, уверенно и профессионально, как подлинный самец, который и не думает терзаемое тело задабривать какой-то там "застекленной бабочкой радуги", пока "блондин" со вздохом вынужден принять "аромат вышестоящего мужчины обладания" и довольствоваться "отходами любовного производства" - радоваться хоть каким-то вещественным знакам внимания "кошки" гуляющей сама по себе. "Подарила, - печально констатирует факт на глазах седеющий человек, - прибор иностранца...", и самоутешается тем, что подарок-то "не простой", а с "врезанной пилкой и турецкими ножницами" - заметим, одинаково беспощадно колющими душу; а душа временами подзывает - ведь стонать бесполезно, когда зло неисправимо, и особенно мучительно, когда сознается, что травмируется незажившая рана: "тем же самым концом, то же самое место"...

Тогда он в грехах пробует забыться; распрямляется правда изуродованной лиричности: "Налетит шквальный ветер да еще с проливным дождем, распотрошит ниву, придavit к земле... Ну что он разошелся именно здесь? Перекрутил все, перевертел, растоптал", - мысленно поправляет полеглые хлеба и приговаривает: "Не дай флагок, не отдай никому... будь всегда первый готов наступить!" "Ведь любил, как мало кому повезло любить в жизни..." Но эмоциональный трепет страждущего беспечно усекается нелепым уточнением, из чего получается, что это не крик души, а всего лишь пародия на типичный очерк о тружениках полей - "очередная правда за номером

20116". И в результате наложения "блондинистой" концепции глубина переживаний опускается до бытовой оговорки - намек на взаપравдашность юркнул под маску "надежной незаметности" - для мстительного посмеивания над коммунальщиной, смяв, скомкав, растоптав монолог сердца, преподносимый уже наряду с "в туалете всё течет", или "ужин исключительно только в одном колбасном виде", хотя и качественно лучше "кулинарии отвращения" - столовки - "пирожка с копытом" и т.п. Зараллеровался.